ИЗБОРСКИЙ КЛУБ

АГРАРНЫЙ СУВЕР

Окончание. Начало — на стр. 1

Татьяна ВОЕВОДИНА. Два года назад я была в Китае с делегацией аграриев юга России. Нас возили по предприятиям, наши специалисты садились за руль, изучали устройство техники. Китайские производители спрашивали, что можно усовершенствовать, как улучшить эргономику. Участники поездки сходились во мнении, что Ростсельмаш пока не достигает такого уровня качества.

При этом техника быстро дорожает. Мы предлагали определить стоимость трактора или комбайна через количество зерна, которое нужно продать для его покупки, и зафиксировать это соотношение. Нас не услышали. В результате цена зерна остаётся на прежнем уровне, если его вообще удаётся продать, а затраты на производство непрерывно растут. Раньше приобретать технику помогали льготные кредиты и лизинг, но теперь для её покупки приходится продавать всё больше зерна. Есть и другой вопрос: из чего сделаны сами наши машины? У меня имеются серьёзные сомнения в том, что отечественная сельхозтехника производится без использования импортных комплектующих и технологий. Я не специалист и не хочу выдавать предположение за техническое заключение, однако выяснять степень такой зависимости необходимо.

Следующее условие связано с агрохимией: важны качество препаратов, их применение в достаточном количестве и в необходимые сроки. Здесь нужно различать минеральные удобрения и средства защиты растений, в том числе препараты для борьбы с вредителями и болезнями. По этим двум направлениям положение разное.

Минеральные удобрения у нас отечественные. Однако, насколько мне известно, вносят их недостаточно по простой причине: они часто недоступны по цене. У хозяйств нет денег, чтобы приобретать удобрения в необходимых количествах, хотя Россия активно их экспортирует. Интересно, что США и Китай, сами являющиеся крупными производителями удобрений, одновременно выступают и ведущими импортёрами. Несколько лет назад возникали и перебои с поставками, поэтому приобрести нужные удобрения было сложно не только по финансовым причинам.

Со средствами защиты растений ситуация сложнее, поскольку они часто импортные. Но и в случае с российским препаратом нужно выяснять происхождение действующего вещества, а это не всегда просто. Здесь можно провести аналогию с лекарствами: на упаковке указан отечественный производитель, но действующее вещество вполне может быть привезено из-за рубежа, например из Китая. Я не утверждаю, что так происходит во всех случаях, однако такая вероятность есть. На коробке может быть указано предприятие, которое лишь смешало компоненты и выпустило препарат на рынок.

Так что наша независимость даже в такой базовой отрасли, как полеводство, весьма относительна.

Животноводство представляет собой уже следующую ступень производства, и его я знаю меньше, поскольку мы им не занимаемся, хотя думаем об этом. Тем не менее и здесь я бы не спешила гордиться полной самостоятельностью. Уже сложилась журналистская традиция ссылаться на обилие отечественной курятины как на доказательство независимости. Действительно, у нас производится собственное инкубационное яйцо. Однако остаётся зависимость от поставок исходных линий птицы, то есть генетического материала, необходимого для воспроизводства. По данным источников, с которыми я знакомилась, прекращение внешних поставок через три-четыре года поставило бы отрасль в критическое положение. Это всё же лучше прежней ситуации, когда птицеводство напрямую зависело от импортного инкубационного яйца. Определённый успех достигнут, но полной автономности нет. Я читала и о работе над отечественной племенной птицей "Смена": сначала речь шла о том, чтобы обеспечить с её помощью четверть производства курятины, затем оценки стали скромнее. В любом случае вопрос о том, что произойдёт при прекращении поставок, остаётся открытым.

То же касается передовых молочных комплексов. Выясняется, например, что обновления компьютерной программы, управляющей таким предприятием, регулярно поступают из Нидерландов. Такая зависимость крайне опасна и не даёт повода для безусловного оптимизма.

Как же достичь автаркии в сельском хозяйстве? Я считаю, что это возможно только при обретении самостоятельности всего народного хозяйства. Сельское хозяйство является частью единого хозяйственного механизма. Ещё в XVIII веке отмечали связь развитого сельского хозяйства с развитой обрабатывающей промышленностью. Сегодня эта связь тем более очевидна: современное сельское хозяйство само стало частью индустрии.

Американского фермера обычно представляют независимым хлебопашцем. Но фактически многие фермеры встроены в систему пищевых корпораций и работают под их руководством. Корпорации обеспечивают агрономическое сопровождение, предоставляют семена определённых сортов, закупают продукцию на определённых условиях. По существу, фермерские хозяйства выполняют часть производственных задач корпораций, формально оставаясь за их пределами. Когда во время перестройки нас призывали немедленно распустить колхозы и совхозы, об этой стороне западного сельского хозяйства говорили гораздо меньше.

Основа хозяйственной самостоятельности — умственная независимость. Между тем наше образование, особенно экономическое, во многом строится по западным образцам. Высшая школа экономики выпускает огромное количество специалистов, однако я считаю, что сама модель такого обучения изначально была рассчитана на подготовку кадров, мыслящих в интересах внешнего центра. У меня нет личной неприязни к этому учреждению, речь идёт о подходе к устройству хозяйства.

Выпускники экономических специальностей часто не допускают мысли о непосредственном государственном руководстве хозяйственными процессами. Приемлемым считается субсидировать процентные ставки по кредитам, создавать благоприятный инвестиционный климат, поощрять отдельные направления. Но прямое участие государства в производстве объявляется невозможным или заведомо порочным. На мой взгляд, тот же либеральный подход сохраняется и в промышленной политике.

Человек действует так, как мыслит. Я не сторонница представления, согласно которому наши мысли определяются лишь экономикой. Считаю, что сама экономика во многом зависит от мировоззрения и верований людей, хотя влияние, конечно, взаимное. Поэтому необходимо перестраивать систему образования, готовить специалистов, которые нам действительно нужны, и формировать у них способность самостоятельно определять хозяйственные задачи.

Скульптура «Тракторист и колхозница» над аркой главного входа ВДНХ. Автор — Сергей Орлов.

Возвращаясь к сельскому хозяйству, подчеркну: чтобы из сельхозсырья получить готовые продукты питания, необходимо наладить его хранение и переработку. Само по себе зерно мы не едим. Аграрии часто не могут создать всю необходимую для этого инфраструктуру, потому что не располагают достаточными средствами. На Западе этим занимаются большие производственные корпорации.

Призыва инвестировать в переработку недостаточно. Даже тем, кто способен вкладывать значительные средства, нужны гарантии, что через некоторое время на рынок не поступит конкурирующая зарубежная продукция и не сделает эти вложения бессмысленными. Государство должно проводить твёрдую, долгосрочную политику, без которой масштабных инвестиций не будет.

Ещё один важнейший вопрос — укрупнение хозяйств. В СМИ сейчас появляются материалы о том, что мелкие фермерские хозяйства разоряются. Это не новая проблема: применение современных агротехнологий требует достаточно крупного масштаба производства. Небольшие хозяйства не выживают, и это общемировой процесс. Между тем у нас сохраняется почти суеверное почтение к фермеру, как будто сама такая форма хозяйствования идеологически правильна. Я не против отдельных успешных фермеров, но развитие сельского хозяйства на основе мелкого производства считаю неперспективным.

Мы полагаем, что средний размер хозяйства позволяет сочетать управляемость с возможностями технологического развития. Для зернового производства оптимальной считаем площадь около десяти тысяч гектаров. В овощеводстве или животноводстве масштабы будут другими. Вопрос об агрохолдингах следует рассматривать отдельно от проблемы укрупнения небольших хозяйств.

По существу, нам требуется сделать нечто похожее на то, что осуществлялось в сталинскую эпоху: укрупнить хозяйства, обеспечить их механизацию и химизацию. Коллективизацию с конца 1980-х годов принято безоговорочно осуждать, но исторически она была ответом на тяжёлое положение сельского хозяйства. В конце 1920-х годов большевики столкнулись с угрозой голода в городах. Диспаритет цен на промышленные и сельскохозяйственные товары стал одной из причин кризиса периода нэпа, за которым последовала жёсткая коллективизация. Да, гораздо лучше было бы добиться объединения хозяйств через кооперацию. Мы пытались делать это собственными силами и убедились, насколько это трудно: люди не слишком стремятся к совместным действиям. Тем не менее отказываться от этой работы нельзя. Я по-новому прочитала статью В.И. Ленина "О кооперации" и считаю её основную мысль верной. Государство должно поощрять объединение хозяйств и содействовать этому процессу. Это один из возможных выходов из нынешнего положения.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Спасибо, Татьяна Владимировна, за обстоятельный доклад. Теперь наши эксперты зададут несколько коротких вопросов. От себя хотел бы спросить: насколько современные информационные технологии проникают в сельское хозяйство? В частности, насколько востребованы сельскохозяйственные дроны? И помогают ли информационные системы искать покупателей?

Татьяна ВОЕВОДИНА. Этот вопрос я переадресую присутствующему на нашем заседании Владимиру Игоревичу Стасевичу.

Владимир СТАСЕВИЧ, генеральный директор ООО "Имени М.В. Фрунзе". Прежде всего сельскому хозяйству необходим полноценный учёт затрат и расчёт себестоимости продукции. Этим должен заниматься каждый хозяин, но на практике это удаётся далеко не всем. У меня самого такая система пока не выстроена в полном объёме, хотя я к этому стремлюсь. Именно данные учёта должны служить основой для управления хозяйством.

Что касается дронов, то, по нашей оценке, обработка полей с их помощью обходится в три-пять раз дороже, чем применение обычных наземных опрыскивателей. Сельхозавиации сейчас почти нет, хотя двадцать лет назад у нас были три самолёта Ан-2 и собственный аэродром. Но специализированный наземный опрыскиватель, по нашему опыту, эффективнее авиации: препарат попадает туда, куда требуется, а направленные потоки воздуха позволяют обрабатывать всю зелёную массу, в том числе обратную сторону листьев. Поэтому для наших задач я не вижу экономического смысла в использовании дронов.

Что касается поиска покупателей, практика у нас следующая: в каждой местности работают два-три основных экспортёра, с которыми у хозяйств складываются устойчивые отношения. Они знают, у кого и что будут покупать, иногда кредитуют хозяйства, а мы обеспечиваем поставки. Пока именно на таких отношениях строится сбыт нашей продукции.

Дмитрий АГРАНОВСКИЙ, адвокат. Автаркия невозможна без пространственного развития страны. В деревнях Нечерноземья, где прошло моё детство, были фермы, автоколонны, работала сельхозавиация, обрабатывались большие поля. Сейчас всё это исчезло. Проводят интернет, устанавливают уличное освещение, открывают магазины, но людям негде работать на земле. Агрохолдинги не берут на себя тех социальных обязательств, которые выполняли колхозы и совхозы. Как вернуть людей к сельскому труду и сделать так, чтобы они оставались жить в деревне? Возможно ли это при рыночной экономике?

Татьяна ВОЕВОДИНА. Агрохолдинги часто не участвуют в жизни местного населения. Они привлекают работников на вахту: люди вспахали землю и уехали. В этом смысле такая организация производства способствует дальнейшему вымиранию деревни, а допустить её исчезновения нельзя. Некрасов называл мужика сеятелем и хранителем. Нам нужны средние хозяйства, которые вовлечены в жизнь поселения, а также современная инфраструктура.

Молодёжь видит, как можно жить, и стремится к комфорту. Она уже не согласится на жизнь в избе без водопровода и с печным отоплением. Поэтому нельзя ограничиваться призывами остаться на земле: надо создать необходимые условия.

При этом области, о которых вы говорите, находятся в более тяжёлом положении, чем юг России. На юге хозяйственная жизнь активнее, наши казаки очень хотят жить на земле. Но капитализм требует прибыли. Там, где её недостаточно, заниматься производством становится невыгодно. Когда говорят о брошенных землях, я вспоминаю, что у нас на Дону ничего не заброшено: распахивают даже оставшиеся участки степи, потому что это приносит доход. В других местах такого дохода нет.

Для Московской или Владимирской области, как мне представляется, одним из направлений развития могло бы стать животноводство. Там есть земли для выращивания кормовых культур, в том числе трав, из которых можно производить кормовые гранулы. Я не специалист по этим регионам и высказываю предположение, но использовать их возможности необходимо.

Есть ещё вопрос воспитания. Во время поездки в Китай я познакомилась с фермером с Кубани. У него довольно большое хозяйство, он всю жизнь прожил на родной земле. Он рассказывал, что в семидесятые-восьмидесятые годы детей готовили к сельскохозяйственному труду уже в школе. Был производственный день: мальчики изучали технику, девочки знакомились с работой на ферме. Человек обычно любит то, что умеет. Если он умеет хорошо управлять трактором, ему интересно этим заниматься.

По мнению моего знакомого, начинать в пятнадцать-семнадцать лет уже поздно. Сейчас в школах создают агроклассы, но главным образом в старших классах — десятом и одиннадцатом, а знакомить детей с сельским хозяйством нужно гораздо раньше. Тогда к моменту выбора профессии они будут знать о сельском труде не понаслышке и уже кое-что уметь.

Мы помогаем станичной школе, общаемся с детьми. Когда я спрашиваю, кем они хотят стать, многие отвечают, что мечтают о карьере популярного блогера: немного выступил перед камерой, и деньги текут рекой. При этом успешных блогеров в самой станице нет. Другие хотят стать учителями или медсёстрами, и это весьма достойные профессии, но о работе в сельском хозяйстве мечтают редко. Если знакомить детей с сельским трудом раньше, больше молодых людей пойдёт работать в отрасль. Мой знакомый именно так и вырос: с детства занимался сельским трудом, затем поступил в сельскохозяйственный вуз, стал агрономом, а теперь ведёт своё хозяйство, в котором работают и его дети.

Михаил ЗАЙЦЕВ, сопредседатель Комиссии по конкурентному праву и антимонопольному законодательству Ассоциации юристов России. Я изучаю модели регулирования, и потому мой вопрос о главных причинах регуляторных проблем сельского хозяйства. Какие проблемы с регулятором или регулированием?

Владимир СТАСЕВИЧ. Прежде всего не хватает прямых механизмов государственного регулирования. Государственная помощь сводится преимущественно к субсидированию кредитов и льготному лизингу. Ещё предлагается субсидировать перевозки: если нельзя вывезти зерно привычным путём, хозяйствам обещают выделить небольшие средства на доставку по другим маршрутам. Это косвенные и весьма ограниченные меры поддержки.

Прямых государственных инвестиций в сельское хозяйство мы не видим. Утрачены и ранее существовавшие механизмы, в частности закупочные интервенции, когда государство приобретало зерно по твёрдой цене для поддержания внутреннего рынка. В результате хозяйствам недостаёт именно тех мер поддержки, которые позволяли бы планировать производство и сбыт.

Мария ДУБИНСКАЯ, обозреватель "День ТВ", общественный деятель. Вы отметили, что животноводство не является вашей основной сферой деятельности, но, возможно, вы располагаете необходимыми сведениями. Сообщалось о вспышках инфекций и уничтожении — к марту 2026 года — свыше девяноста тысяч голов скота. То есть в реальности это число ещё больше. Насколько серьёзны такие потери для отрасли и каковы возможности восстановления поголовья?

Владимир СТАСЕВИЧ. Если сопоставить эти потери с общим поголовьем, я не думаю, что они существенно повлияют на объёмы производства мяса в стране. Однако о перспективах животноводства могу подробнее рассказать на примере нашего хозяйства.

В регионе, где мы работаем, прежде было огромное количество овец. В нашем хозяйстве, бывшем совхозе площадью двадцать тысяч гектаров, содержалось более сорока тысяч голов. Шерсть использовалась для производства отечественных тканей, и овцеводство было выгодным. Но уже двадцать лет назад от этого стада осталось несколько тысяч овец, содержание которых приносило только убытки. Примерно пятнадцать лет животноводство находилось в упадке.

В последние годы ситуация начала меняться. Я сужу об этом не по крупным предприятиям, а по опыту работающих у нас уроженцев Дагестана. Они берут бычков на откорм, закупают у нас корма, затем сдают скот и получают прибыль. Мы тоже планируем заняться откормом: сохранились помещения советского времени, есть кормовая база.

Речь идёт не об огромных комплексах, а о предприятиях, размеры которых соответствуют возможностям использования местных ресурсов. По нашим наблюдениям, у таких хозяйств есть перспективы развития.

Мария ДУБИНСКАЯ. А что, на ваш взгляд, необходимо для обеспечения интеллектуальной независимости? Стоит ли вводить в профильных вузах особые дисциплины, чтобы готовить специалистов, способных самостоятельно решать задачи развития нашего хозяйства?

Татьяна ВОЕВОДИНА. Прежде всего нужно воспитывать уважение к собственным достижениям. После войны Сталин проводил кампанию против низкопоклонства перед Западом. Но, по-моему, полезнее не только бороться с преклонением перед чужим, но и учиться ценить то, что сделано у нас.

Помню, как норвежский экономист Эрик Райнерт на Московском экономическом форуме призывал участников обратить внимание на труды российских экономистов, а не ограничиваться изучением Адама Смита, Давида Рикардо и более современных западных авторов. Ирония заключалась в том, что иностранцу приходилось напоминать нам о значении отечественной экономической мысли. Но одного введения новых дисциплин недостаточно. Кто будет их преподавать? Те же люди, которые прежде обучали студентов в рамках либеральной парадигмы? Мне кажется, необходимо шире привлекать к преподаванию практиков из сельского хозяйства и других отраслей, чтобы они рассказывали, как производство устроено в действительности. Говорят, что в США специалисты-практики активно участвуют в подготовке студентов. Я специально этот вопрос не изучала и не берусь судить о системе в целом, но для нас такой подход был бы полезен. А детей следует с ранних лет знакомить с реальным трудом и обучать навыкам, необходимым для работы на земле.

Елена ЯНЧУК, журналист, общественный деятель. Как вы оцениваете конкуренцию в сельском хозяйстве? Фермеры, с которыми я общаюсь, хотят расширяться, но жалуются на давление крупных холдингов и неравный доступ к государственной поддержке. Насколько сильны монополистические тенденции и что с ними делать? Не рискуем ли мы потерять производителей базовых продуктов, в том числе картофеля, если малые и средние предприятия окажутся в тяжёлом положении?

Татьяна ВОЕВОДИНА. Мне представляется, что сельское хозяйство в России близко к конкурентному рынку, без определяющего господства монополий или олигополий. Если же говорить об эффективности, то у нашего сельского хозяйства она исключительно высока, поскольку оно работает почти без субсидий. По моим представлениям, в европейском конечном продукте на государственную поддержку может приходиться двадцать-тридцать процентов, а у нас не больше трёх.

Когда-то я работала в итальянской компании, занимавшейся сельским хозяйством, и главным образом пищевой промышленностью. Мне рассказывали, как государство помогает аграриям. Я предположила, что без субсидирования они прекратят деятельность буквально завтра. Итальянский руководитель ответил: "Нет, вы ошибаетесь, синьора. Они закроются сегодня вечером". Наши хозяйства в этом смысле проявляют поразительную жизнеспособность.

Производство картофеля не моя тема, поэтому не стану делать выводов о нём. Но в той области, которую я знаю, драматического воздействия агрохолдингов не вижу. Возможно, моя картина неполна, однако я бы не стала объяснять все трудности деятельностью одного обобщённого противника в их лице.

Владимир СТАСЕВИЧ. Я интересовался этим вопросом. По моей оценке, на пятьдесят крупнейших агрохолдингов приходится около десяти процентов сельскохозяйственных угодий страны. Судя по этому показателю, отрасль нельзя считать сильно монополизированной. Разумеется, крупные компании ближе к чиновникам и получают определённые субсидии. Однако эффективность их работы снижается. Чтобы расширяться, им необходимо покупать хозяйства, а холдинги и без того сильно закредитованы. Насколько я помню, у крупнейшего агрохолдинга Ткачёва, располагающего более чем миллионом гектаров, в прошлом году было около пятисот миллиардов рублей задолженности по кредитам. Такая структура держится, пока банки продолжают её финансировать.

По моим наблюдениям, период активного расширения агрохолдингов практически завершён. Укрупнение небольших хозяйств всё равно продолжится: для современного зернового производства двухсот-трёхсот гектаров, да и тысячи, недостаточно. Но, как я вижу, объединяться они будут скорее вокруг средних хозяйств, подобных нашему, площадью порядка десяти тысяч гектаров. Это может происходить путём покупки, присоединения или иных форм объединения.

Сергей АНУРЕЕВ, доктор экономических наук. Первый мой вопрос: сколько людей должно жить в селе, чтобы в нём была и школа, и поликлиника, и клуб, и другие объекты инфраструктуры? Второй вопрос: почему мы поставляем газ в Турцию, а затем покупаем там тепличные овощи и ягоды, вместо того чтобы развивать собственные тепличные хозяйства? И третий вопрос: сколько времени нужно, чтобы наладить производство отечественных семян взамен импортных?

Владимир СТАСЕВИЧ. Современные хозяйства, как правило, возникли на базе советских колхозов и совхозов. Тогда в каждом из них была центральная усадьба с населением от трёх до пяти тысяч человек и несколько небольших отделений, где также жили и работали люди. У нас в Степном Кургане, где находится центральная усадьба, живёт около трёх тысяч человек. Есть клуб, детские площадки,